

ТРОПИНКА

ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТЕЙ.

№ 12.

15 ІЮНЯ

1911 г.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ VI.

Изданія журнала „ТРОПИНКА“.

Адресъ редакціи и конторы: Спб. Вознесенскій, 36, кв. 26. Телефонъ 497—55.

Безобразова М. С. „Исторія одного воробья“. Съ рисунками. Изданіе 3-е. Цѣна 25 к. *Одобрено* для ученическихъ библіотекъ младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и для учен. библ. низшихъ учебн. заведеній и дѣтскихъ приютовъ *Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи.*

Бяляевская О. А. „Капель“. Стихотворенія. Цѣна въ обложкѣ 40 к., въ папкѣ 75 к. *Одобрено* для ученическихъ библіотекъ младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и для учен. библ. высшихъ учебн. заведеній и дѣтскихъ приютовъ *Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи.*

Кондурушкинъ И. С. „Въ деревнѣ“. Разказы и сказки. Съ рисунками. Цѣна 25 к.

Нуринъ А. И. „Слонъ“. Съ рисунками. Цѣна 25 к. (Все изданіе разошлось).

Нарроль Люисъ „Приключенія Алисы въ странѣ чудесъ“. Любимая книга англійскихъ дѣтей. Переводъ Allegro. Съ рисунками. Цѣна въ обложкѣ 1 р., въ папкѣ 1 руб. 25 коп.

Лондонъ Дженъ. „Букъ“. Исторія одной собаки. Переводъ Н. Манасеиной. Съ рисунками. Цѣна въ обложкѣ 40 к., въ папкѣ 75 к. *Одобрено* для ученическихъ библіотекъ младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и для ученическихъ библіотекъ низшихъ учебныхъ заведеній и дѣтскихъ приютовъ *Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи.* *Допущено* въ ротныя библіотеки кадетскихъ корпусовъ для III—V классовъ.

Малахѣва-Миревичъ В. Г. „Золотой домъ“. Сборникъ разказовъ. Съ рисунками. Цѣна въ обложкѣ 75 к., въ папкѣ 1 р.

Одобрено для ученическихъ библіотекъ младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и для ученическихъ библіотекъ низшихъ учебныхъ заведеній и дѣтскихъ приютовъ *Вѣдомства Императрицы Маріи.*

Манасеина Н. И. „Разказы для дѣтей“. Со многими рисунками. Изданіе 2-е. Цѣна въ папкѣ 1 р. 50 к. *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія признано подлежащимъ внесенію въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.*

Одобрено для ученическихъ библіотекъ младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и для ученическихъ библіотекъ низшихъ учебныхъ заведеній и дѣтскихъ приютовъ *Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи.*

Манасеина Н. И. „На Рождествѣ“. Три разказа. Съ рисунками. Изданіе 2-ое. Цѣна въ обложкѣ 50 к., въ папкѣ 80 к.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущено въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и *признана заслуживающей вниманія при пополненіи бесплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ.*

Одобрено для ученическихъ библіотекъ младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и для ученическихъ библіотекъ низшихъ учебныхъ заведеній и дѣтскихъ приютовъ *Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи.*

Допущено въ ротныя библіотеки кадетскихъ корпусовъ для I и II классовъ.

Манасеина Н. И. „Мамино дѣтство“. Разказъ изъ институтской жизни. Съ отдѣльными рисунками на мѣловой бумагѣ. Цѣна въ обложкѣ 50 к., въ папкѣ 80 к.

Полыановъ В. П. „Воронъ.—Индѣйцы“. Съ рисунками. Цѣна 25 к.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущено въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

1911 годъ.

Юнь № 12.

ЖУРНАЛЪ
ТРОПИНКА.

11-1782

Содержаніе.

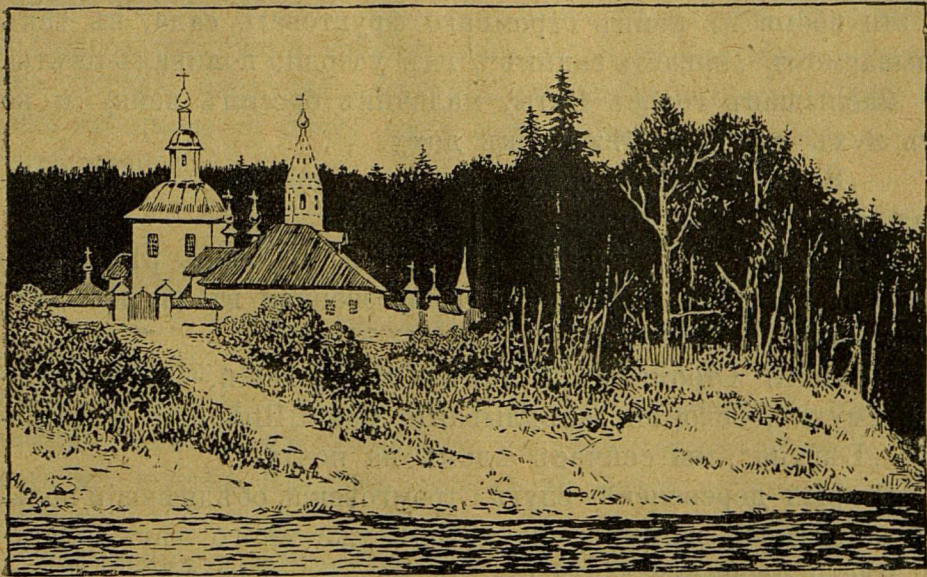
1. Пастырь добрый—стихотвореніе *О. Бляевской.*
2. Вечерняя звѣзда—разсказъ *Діеръ.*
3. Цербетекая принцесса (повѣсть изъ юности Екатерины II)—*Н. Манасеиной.*
4. Лебедь—*К. С.*
5. Пастушка—повѣсть *Маргариты Оду. (Продолженіе).*
6. Ребусъ № 5.

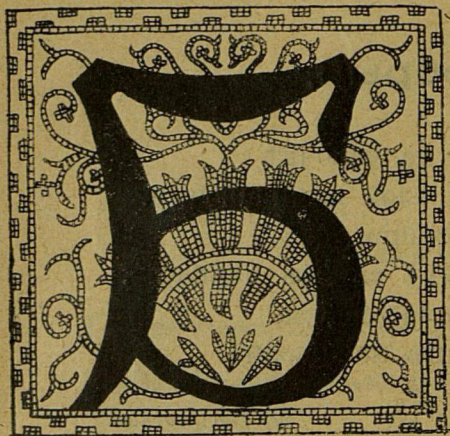

Пастырь добрый.

СОЛНЫШКО вечернее у воротъ на лавочкѣ
Въ берестяныхъ лапоткахъ, въ алой камилавочкѣ.
Отъ креста наперснаго на груди—сіяніе,
Въ зернахъ четокъ искрится первыхъ звѣздъ мерцаніе.
Свѣтъ вечерній теплится на главѣ часовенки,
Стадо тучекъ-ябочекъ гонитъ мѣсяць новенькій.

О. Бѣляевская.

Вечерняя звѣзда.

I.

БЫЛО уже около шести часовъ вечера, когда девятилѣтняя черноглазая Ната вбѣжала на балконъ стараго деревенскаго дома и стала громко звать брата Диму:

— Дима, скорѣй! Можно ѣхать на почту!

Худенькій Дима, всего лишь на годъ старше сестры, былъ въ это время въ концѣ огромнаго фруктоваго сада, въ такъ называемомъ „нашемъ садикѣ“, гдѣ усердно поливалъ цвѣты.

Заслышавъ голосъ Наты, мальчикъ бросилъ лейку и во весь духъ пустился бѣжать къ дому.

— Вотъ не ожидалъ, что сегодня поѣдемъ, — запыхавшись, проговорилъ Дима. — А не поздно?

Отвѣта не послѣдовало. Капризная, но очень рѣшительная Ната, за свою порывистость прозванная въ шутку „мухой“, была уже далеко.

— Панъ Стромговскій, панъ Стромговскій, — распорядилась „муха“, — скорѣй засѣдывайте мою „Шпачку“ и Диминаго „Бѣгуна“, мы сейчасъ ѣдемъ на почту.

Старый деревенскій слуга Стромговскій, обѣднѣвшій польскій шляхтичъ, занималъ на хуторѣ уже много лѣтъ скромное мѣсто дворника. Хотя старый чудакъ постоянно ходилъ въ крестьянской одеждѣ, носилъ дырвые сапоги и ночевалъ

вмѣстѣ съ лошадьми, всѣ, не только дѣти, но и взрослые звали Стромговскаго не иначе, какъ „паномъ“.

Панъ Стромговскій, услыхавъ щебетаніе „малой барышни“, посмотрѣлъ на болнце, почесаль свою косматую голову и, пробормотавъ что-то себѣ подъ носъ, не спѣша сталъ засѣдывать лошадей „паныча“ и „панночки“. Ната была большая охотница покататься верхомъ, и очень любила ѣздить на почту за письмами и газетами.

Почтовая станція „Руза“ находилась всего въ 3-хъ - 4-хъ верстахъ отъ хутора. Ютился этотъ заброшенный невзрачный станціонный домикъ подлѣ широкой пыльной дороги, извѣстной у окрестныхъ жителей подъ названіемъ „большого тракта“. Этотъ большой трактъ, по преданію, былъ устроенъ для проѣзда Екатерины Великой въ благословенную Тавриду. Усаженный съ обѣихъ сторонъ вѣковыми вязами, грабами и полузасохшей дикой грушей, пыльный и ухабистый, онъ давно уже успѣлъ наскучить маленькимъ наѣздникамъ. Дѣти не разъ избирали на почту иной путь. Такъ случилось и въ этотъ вечеръ.

— А не лучше ли намъ сегодня ѣхать по тракту?—нерѣшительно спросилъ Дима у сестры и, немного помолчавъ, продолжалъ:

— Вѣдь, черезъ Агатовку опоздаемъ вернуться къ чаю.

— Знаешь что,—скороговоркой отвѣчала смѣлая дѣвочка—поскачемъ - ка галопомъ черезъ Агатовку на Катериновскій лѣсъ... тамъ свернемъ направо черезъ поле и будемъ на почтѣ. Въ лѣсъ, въ лѣсъ! Здѣсь солнце совѣмъ сожжетъ...

Съ этими рѣшительными словами Ната подхлеснула осиновой вѣточкой гнѣдую лошаденку брата и галопомъ помчалась впередъ.

Догнавъ сестру, Дима сказалъ:

— Посмотри, какая ползеть изъ-за Гольчинецкаго лѣса туча; это передъ грозой такъ солнце жжетъ.

Но ни приближавшееся съ востока свинцовое чудовище, ни вечерняя тьма не остановили дѣтей: ужъ очень весело ѣхать новой дорогой, пробираться сквозь заросшій молодой березнякъ и мчатся по обочинамъ, пахнущихъ клеверомъ полей къ большому Катериновскому лѣсу.

Дима и Ната жили очень дружно. Несмотря на разные характеры, дѣтей сближала любовь къ природѣ и къ родному хутору, куда на лѣто переѣзжала изъ города вся семья. Здѣсь, на просторѣ, они были неразлучны. Какое наслажденіе ухаживать за собственнымъ садикомъ! А какъ хорошо и весело играть въ „пахаря“: по цѣлымъ часамъ, корнемъ отъ стараго дуба, напоминавшимъ крестьянскій плугъ, Дима и Ната вспахивали мягкую землю заброшеннаго огорода подлѣ полу-разрушенной клуни. Только Ната ни за что не хотѣла быть „пахаремъ“. Неутомимая наѣздница такъ любила свою сѣренькую „Шпачку“, что превратиться хоть на время въ любимую лошадку особенно нравилось шаловливой „мухѣ“.

Закадычные друзья, бесѣдуя о своихъ „важныхъ дѣлахъ“, почти не замѣчали дороги; не замѣтили они также, какъ постепенно скрылось за опушкой лѣса солнце и стали сгущаться сумерки.

Отъ надвигавшейся тучи было еще темнѣй. На смѣну жаркому и какъ бы уснувшему дню быстро шель темный июльскій вечеръ.

— Послушай, Ната, куда же это мы ѣдемъ? — спохватился вдругъ Дима.— Ёдемъ долго, а дорожки по клеверному полю все еще нѣтъ; посмотри, что тамъ за тропинка идетъ

направо? Нѣтъ,—уже съ отчаяніемъ въ голосѣ продолжалъ мальчикъ,—это не Катериновскій лѣсъ. Боже мой, да, вѣдь, мы заблудились!

Безпокойство Димы невольно передалось сестрѣ, и Ната дрожащимъ голосомъ проговорила:

— Я, право, не знаю... кажется, намъ надо повернуть назадъ.

Они приостановились на перекресткѣ лѣсныхъ тропъ, едва замѣтномъ въ вечерней тьмѣ, чтобы осмотрѣться и рѣшить, что же дѣлать дальше.

Было ясно: дѣти сбились съ дороги. Выбравъ на удачу одну изъ тропинокъ, они, въ страхѣ, стали подгонять коней; сердце Наты чувало однако, что ѣдутъ они совсѣмъ не туда.

— Богъ съ ней съ почтой, только бы попасть домой!— шепталъ про себя Дима.

Влажный вѣтеръ дулъ все сильнѣй. Скоро стало такъ темно, что бесполезно было и управлять заморенными лошадьми.

— Дима, мнѣ очень холодно, — печальнымъ голосомъ пожаловалась Ната.

Худенькій мальчикъ подвинулся къ дрожавшей отъ холода дѣвчкѣ, крѣпко обнялъ ее за плечи и прижалъ къ себѣ, стараясь всѣми силами, чтобы „Шпачка“ и „Бѣгунъ“ шли рядомъ, голова къ головѣ.

Какая-то черная птица выпорхнула чуть не изъ-подъ самыхъ ногъ лошадей и, хлопая огромными крыльями, исчезла во тьмѣ. Лошади вздрогнули, шарахнулись въ сторону, но вскорѣ опять рядомъ поплелись дальше.

— Боже мой, Боже мой, что же намъ дѣлать?—волновались дѣти.

Страхъ заночевать въ лѣсу невольно заставилъ ихъ вспомнить слова стараго „пана Стромговскаго“, часто говорившаго, что кучеру, при возвращеніи, можно и не видѣть дороги, на то, молъ, и лошади, чтобы онѣ сами пришли домой.

На шеи лошадей были брошены уздечки, и дѣти предоставили себя въ полное распоряженіе Шпачки и Бѣгуна. Съ минутой постоявъ на мѣстѣ, точно недоумѣвая, чего хотятъ отъ нихъ маленькіе хозяева, лошади снова медленно зашагали впередъ.

Вотъ наступила и ночь. На два шага вокругъ—ничего не видно; прижавшіяся другъ къ другу дѣти совсѣмъ примолкли.

— Стой, стой, — со слезами въ голосѣ закричалъ Дима и остановилъ лошадей,—вѣдь, они, Шпачка и Бѣгунъ, недавно куплены; твоя изъ Гольчинца, моя, кажется, изъ города; развѣ онѣ могутъ насъ привезти домой?

Положеніе дѣтей среди ночи, въ темномъ лѣсу, да еще въ ожиданіи надвигавшейся грозы, становилось все болѣе и болѣе труднымъ. Вдругъ Дима совсѣмъ остановилъ Бѣгуна, соскочилъ на землю и, повидимому, на что-то рѣшился. Попросивъ сестру обождать, мальчикъ сталъ раздвигать руками вѣтви густой поросли и, наконецъ, съ большими усиліями выбрался на открытую полянку; здѣсь онъ всѣмъ своимъ худенькимъ тѣльцемъ бросился на траву и прильнулъ ухомъ къ сухой землѣ: Дима помнилъ изъ разсказовъ бывшаго казака Андрея, что такъ дѣлали Донцы, когда хотѣли услышать, не ѣдетъ ли кто по близости.

Но—увы,—за шумомъ деревьевъ, если бы кто и ѣхалъ, нельзя было ничего разслышать.

Бросился тогда бѣдный мальчуганъ на колѣни и, снявъ съ головы свою жокейскую шапочку, сталъ тихо плакать и крѣпко молиться, прося у Бога защиты и помощи.

— Господи,—глота́я слезы, шепта́лъ Дима—научи меня, что мнѣ дѣлать.

Вѣтеръ съ крупными, изрѣдка падавшими на землю каплями холоднаго дождя, превратился въ сильный вихрь.

Черную завѣсу неба время отъ времени прорѣзывала яркая молнія и слышались отдаленные раскаты грома.

— Что это тамъ?—вслухъ подумалъ Дима,—что тамъ за свѣтъ?

Дѣйствительно, надъ темными кустами посвѣтлѣло; гонимыя вѣтромъ тучи порвались, и прямо передъ глазами мальчика стала вырисовываться, въ видѣ блѣдномолочнаго треугольника, часть чернаго неба; свѣтлый клочекъ все ширился и ширился, пока, наконецъ, изъ-за удалявшихся облаковъ не выплыла тихо мерцавшая звѣзда.

Тогда Дима, вдругъ, не своимъ голосомъ вскрикнулъ:

— Да, вѣдь, это наша вечерняя звѣзда!... Господи, благодарю Тебя за то, что услышалъ мою молитву. Ната, Ната, теперь я знаю, куда намъ ѣхать!

И мальчикъ бросился къ сестрѣ, прижавшейся усталой головой къ своей любимой сѣренькой Шпачкѣ.

Лошади отъ неожиданности вздрогнули; Дима схватилъ ихъ подъ уздцы, быстро вскочилъ въ сѣдло и, не отрывая глазъ отъ ярко горѣвшей звѣздочки, сталъ вмѣстѣ съ Натой осторожно выбираться изъ густаго кустарника.

Чуть не каждый вечеръ, сидя на ступенькахъ крыльца стараго дома, любовались дѣти красивымъ небеснымъ свѣтиломъ. Еще вчера ночью эта вечерняя звѣздочка привѣтливо смотре́ла на дѣтей, высоко поднявшись надъ большимъ лѣсомъ.

— Значить, нашъ домъ влѣво отъ звѣзды,—возбужденно говорилъ Дима,—ахъ, только бы она не спряталась за тучи!

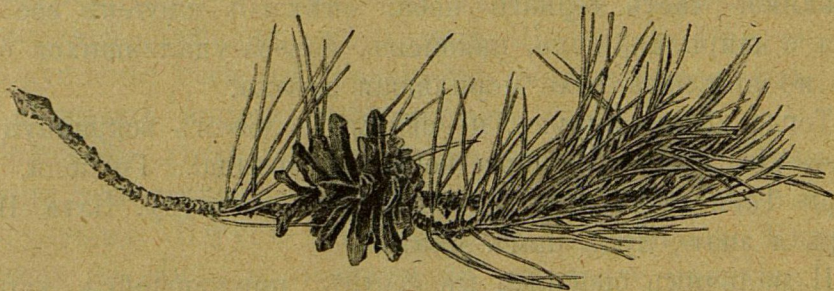
Выбравшись изъ кустовъ на пахатное поле, дѣти быстрой рысью поскакали налѣво.

Вотъ и знакомая Агатовская дорога; отсюда ужъ рукой подать домой.

Съ жуткой радостью увидѣли Дима и Ната огоньки родной усадьбы.

Ложась спать дѣти долго молились Богу, Который такъ неожиданно послалъ Свой небесный свѣтильникъ и указалъ имъ путь въ трудную минуту.

Деръ.

Цербетская принцесса.

VIII.

ТЯЖЕЛОЕ это было лѣто. Такое тяжелое, что даже Кайнь, въ своей мрачности, не могла предугадать всего, что случилось.

Вилли привезли въ Дорнбургъ чуть живымъ. И когда его устроили въ самой просторной и хорошей комнатѣ замка, съ большими окнами прямо въ садъ, гдѣ цвѣла сирень и на

разные голоса съ утра до ночи заливались птицы, всёмо стало ясно, что мальчикъ не можетъ жить, какъ не можетъ жить уже отцвѣтшій цвѣтокъ.

Ничто больше не волновало и не интересовало мальчика: ни весенняя зелень, ни птицы, ни новые запахи, такіе острые и непривычные, что отъ нихъ у Фикке кружилась голова.

И она поняла, что съ Вилли все кончено.

Поняла сразу, когда вбѣжала къ нему съ огромнымъ букетомъ сирени, такимъ большимъ, что съ трудомъ захватила его обѣими руками.

— Вилли, смотри!

И когда тусклые глаза, едва открывшіеся на ея, прозвенѣвшій всёми весенними звуками, голосъ, такъ и остались точно задернутыми пленкой, она поняла, что для ея Вилли уже нѣтъ больше ничего: ни сирени, ни Фикке, ни солнечныхъ зайчиковъ, которые такъ и прыгали по стѣнкѣ надъ кроватью. Даже и Сиды больше нѣтъ, и сказки нѣтъ. Въ цѣломъ свѣтѣ ничего нѣтъ.

Ничего!

Отъ ужаса у нея остановилось сердце, и она разроняла свою сирень.

„Что же остается, когда на землѣ нѣтъ уже ничего?“.

Черезъ нѣсколько дней послѣдовалъ отвѣтъ на этотъ страшный вопросъ.

Въ фамильномъ склепѣ подъ церковью цербстскаго замка открыли широкое окно и въ него спустили на кожаныхъ ремняхъ тяжелый мѣдный гробъ, въ который уложили похожаго на высохшій на корню цвѣтокъ Вилли.

Юганна-Елизавета, судорожно хватаясь за каменную стѣну, едва нашла въ себѣ силы, чтобы спуститься по узкой витой

лѣстницѣ и здѣсь же въ склепѣ упала безъ чувствъ. У Христіана-Августа было такое лицо, что боялись, какъ бы у него не повторился ударъ.

Къ похоронамъ пріѣхали и герцогиня Альбертина-Фредерикка, и принцесса Анна, и хромоу принцъ Вильгельмъ Саксенъ-Готскій.

— Ты не должна такъ плакать, Юганна,—говорила герцогиня дочери и ласкала ее, какъ только матери умѣютъ ласкать дѣтей, не различая, большія они или маленькія.— Жизнь была не для Вилли. Жить онъ все равно бы не могъ. Слишкомъ уже былъ слабъ. Теперь у тебя остается Фрицъ. Онъ крѣпче Вилли, но надо сдѣлать такъ, чтобы онъ сумѣлъ хорошо жить.

Мало-по-малу въ домѣ притуплялась острота горя. Налаживалась обычная жизнь. Еще стояла, какъ туманъ, дымка неразвѣянной печали. Но дымка эта съ каждымъ днемъ становилась прозрачнѣе, потому что съ ушедшимъ Вилли не было связано никакихъ воспоминаній, которыя крѣпко и мучительно переплелись бы съ самой жизнью.

Въ срединѣ лѣта, когда всѣ комнаты стали душистыми отъ разомъ зацвѣтшихъ липъ, обступавшихъ дворецъ, въ Дорнбургѣ заговорили о свадьбѣ.

Принцъ Вильгельмъ Саксенъ-Готекій давно сватался къ принцессѣ Аннѣ.

Теперь, какъ разъ, когда и женихъ и невѣста были на лицо, показалось очень удобнымъ, не откладывая, отпраздновать свадьбу.

Никакихъ особыхъ торжествъ не предполагалось.

Свадьба должна была быть самая скромная.

Но Фикке всетаки ждала чего-то необычайнаго, какой-то большой радости.

И не дождалась ничего.

Свадьба была скучная—прескучная. Никогда не думала Фикке, что люди могут так вѣнчаться. Можетъ быть, осенью или зимой это вышло бы еще и ничего. Но въ самомъ разгарѣ лѣта, когда все цвѣло и солнце было такое яркое,—женихъ и невѣста казались цвѣтами, которые уже прихватилъ холодный осенній утренникъ. И принцессѣ Августѣ, старшей подругѣ невѣсты, такъ не шель букетъ изъ бѣлыхъ розъ. И всѣмъ, кто былъ въ церкви, невольно вспоминался такъ еще недавно лежавшій здѣсь въ гробу Вилли.

И такъ какъ на свадьбѣ Фикке была почти единственнымъ существомъ, о которомъ можно было говорить съ радостной надеждой, то всѣ особенно много и охотно говорили о ней.

— Она очень похорошѣла, стала совсѣмъ молодой дѣвушкой, — восхищалась внучкой герцогиня — бабушка. — Трудно повѣрить, что ей въ апрѣлѣ исполнилось только четырнадцать лѣтъ.

— И она именно теперь стала очень похожа на портретъ, который три года тому назадъ писала съ нея въ Цербстѣ художница Розина Личевская, — говорила Юганна-Елизавета. — Тогда никто не находилъ портретъ удачнымъ. Говорили, что художница представила ее слишкомъ взрослой и чрезмѣрно польстила ей. Но теперь моя Фигхенъ стала именно такой, какъ на портретѣ, и я каждый разъ, когда бываю въ Цербстѣ, смотрю на него съ удовольствіемъ.

И всѣ ходили въ залу смотрѣть на портретъ Фикке и находили, что въ дѣйствительности она еще лучше.

Послѣ свадьбы молодые уѣхали въ помѣстье принца Вильгельма, а герцогиня Альбертина-Фредерикка увезла все еще сильно тосковавшую по сынѣ Юганну-Елизавету съ собой въ Гамбургъ. О томъ, чтобы взять и Фикке, на этотъ разъ даже

бабушка не заговаривала. Всѣ понимали, что для Юганны-Елизаветы всего лучше побыть совсѣмъ одной съ матерью.

Отецъ былъ въ лагерѣ. Фикке и Фрицъ остались на попеченіи Бабетъ и Кайнъ.

Портретъ принцессы Софіи-Августы-Фредерикки Ангальтъ - Цербстской, написанный Розиной Лисчевской.

— Если бы не Фрицъ, мы могли бы себя вообразить въ замкѣ спящей красавицы, такая у насъ тишина,—часто говорила Бабетъ.

Но, послѣ всѣхъ событій, тишина казалась необыкновенно пріятной. Фикке и Бабетъ много гуляли и гуляли не только въ паркѣ. Фигхенъ тянула французженку на просторъ, въ луга и поля. Иногда во время прогулокъ онѣ разговаривали, перебирая все, что случилось и зимой въ Штеттинѣ, и лѣтомъ въ Дорнбургѣ, а иногда шли молча и молчали подолгу, какъ

только могутъ молчать вдвоемъ очень близкіе люди. Тонкая молодая дѣвушка переросла на цѣлую голову толстушку Бабетъ, а, кромѣ того, Бабетъ уже научила Фикке рѣшительно всему, чему только могла научить. Въ наставницы ей она больше не годилась, но подругой еще могла быть, потому что любила Фикке.

Иногда прогулка ихъ такъ увлекала, что вечерній туманъ захватывалъ ихъ далеко отъ дома. Въ зеленомъ Дорнбургѣ было много сырыхъ мѣстъ, но Бабеть часто забывала объ этомъ, а Фикке ей не напоминала. Она любила туманъ.

— Можно подумать, что за этими бѣлыми клубами прячется что-нибудь очень интересное,—говорила она. Нерѣдко, когда онѣ обѣ, задыхаясь отъ быстрой ходьбы, входили въ паркъ, до нихъ доносились пронзительные, рѣзкіе крики. Фрицъ, когда его сердили, имѣлъ привычку кричать совсѣмъ по-павлиньему. Какъ разъ въ это время его обыкновенно начинали уговаривать ложиться спать. Это всегда вызывало въ немъ приливъ раздраженія, и онъ давалъ ему волю, испуская крики, напоминавшіе Фикке квендлинбургское аббатство. Тамъ, когда темнѣло, предзакатная тишина также прорѣзывалась пронзительными криками павлиновъ, любимыхъ птицъ ея тетки — аббатиссы.

Вообще безъ родителей Фрицъ велъ себя такъ, что и Бабеть и Фикке давно перестали его учить и исправлять, а только молили Бога, чтобы удалось хотя бы живымъ и не искалѣченнымъ сдать его матери, когда она вернется. Воскресныя поѣздки въ цербтскую церковь обратились въ мученіе съ той поры, какъ туда сталъ ѣздить Фрицъ. Но оставлять его въ Дорнбургѣ было невозможно. Наслѣдный принцъ

Принцъ Фридрихъ - Августъ
Ангальтъ - Цербтскій, братъ
Фикке.

непремѣнно хотѣлъ, какъ можно чаще, видѣть племянника. Фрицъ, послѣ смерти Вилли, оставался единственнымъ юнымъ представителемъ, на которомъ зиждились всѣ надежды ангальтъ-цербтскаго дома.

— Вотъ, только немного поправлюсь и самъ серьезно займусь Фрицемъ,—говорилъ владѣтельный принцъ, уже цѣ-
лый годъ страдавшій отъ мучительныхъ сердечныхъ при-
падковъ.

Но заняться Фрицемъ принцу не пришлось. Внезапно ему сдѣлалось настолько хуже, что въ Цербстѣ былъ спѣшно вы-
званъ Христіанъ-Августъ и его старшій братъ.

Убѣдившись, наконецъ, что русская императрица помнитъ
родственниковъ и дружескія узы, связывающія ее съ гольштин-
скимъ домомъ, Фридрихъ Великій въ угоду ей только что
произвелъ Христіана-Августа въ фельдмаршалы. Владѣтель-
ный принцъ, въ свою послѣднюю минуту, былъ обрадованъ
блестящей карьерой одного изъ членовъ ангальтъ-цербтской
семьи.

У Христіана-Августа была и еще новость: у его жены въ
Берлинѣ, гдѣ она остановилась съ матерью, родилась дочь.
Умирающему владѣтельному принцу такъ и не успѣли
сказать про новорожденную. Но объ этомъ какъ-то не очень
жалѣли. Думали, что эта новость не особенно обрадовала бы
принца: угасающему роду, чтобы поддержать его, нужны были
принцы, а не принцессы.

Однако, когда въ одинъ изъ первыхъ ненастныхъ осеннихъ
дней у подѣзда остановилась закиданная грязью дорожная ка-
рета, ее встрѣтили съ волненіемъ всѣ обитатели дорнбургскаго
замка, а самъ Христіанъ-Августъ принялъ изъ рукъ Іоганны-
Елизаветы маленькій сверточекъ, изъ котораго раздавался за-
хлебывающійся отчаянный плачь.

Плачь былъ такой жалобный, а свертокъ такой маленькій, что всѣ, встрѣчавшіе пріѣзжихъ, успѣли разъ и навсегда полюбить маленькую принцессу еще прежде, чѣмъ Христіанъ-Августъ торжественно поднялся съ нею по ступенямъ къ настезь распахнутымъ входнымъ дверямъ. И, хотя рѣшительно никому не удалось увидѣть и ноготка на ея мизинчикѣ, сейчасъ же по всему Дорнбургу разнесся слухъ, что принцесса настоящая красавица.

Бабеть очень жалѣла, что не могла встрѣтить новорожденную. Передъ самымъ ея пріѣздомъ у нея сдѣлался сильный жаръ, и отъ слабости она не могла встать съ постели. Но Фикке улучила удобную минуту и прибѣжала, чтобы рассказать ей все, какъ было.

— Ну, что, какая она?—съ нѣжнымъ любопытствомъ спросила Бабеть, поднимая съ подушки осунувшееся лицо, едва только Фикке успѣла войти въ комнату.

— Она премиленькая, и, кажется, очень похожа на первую сестрицу.—И Фикке съ восхищеніемъ принялась описывать Бабеть новорожденную.

— Голубые глаза—свѣтлые, свѣтлые, волосики тоже свѣтлые и такъ смѣшно-смѣшно вытерлись на самомъ затылочкѣ. Это оттого, что маленькая сестрица все лежитъ. А назвали ее Елизаветой. Это въ честь русской императрицы, которая прислала свое согласіе быть записанной въ крестныя матери. Вотъ какая важная крестная у новой сестрицы!

— Ахъ, какъ жаль, что я еще нѣсколько дней не увижу мою будущую воспитанницу,—горевала Бабеть.—И какъ это удачно сложилось для меня. Съ тобой мнѣ уже нечего дѣлать, ты совсѣмъ большая, а эта маленькая Елизавета точно пришла на смѣну тебѣ. Теперь только бы мнѣ поскорѣй поправиться.

— Да, и мы будемъ вдвоемъ воспитывать сестрицу,—

мечтала Фикке.—Будемъ о ней заботиться. Я боюсь, что Кайнъ мало ее любитъ. Видно, не можетъ простить ей, что она не мальчикъ.

Но Бабеть расхварывалась съ каждымъ днемъ все больше и больше. Фикке дѣлила свое время между ею и маленькой сестрицей.

И той и другой въ домѣ одинаково мало занимались. Какъ разъ въ это время шли постоянныя семейныя совѣщанія о дѣлахъ, связанныхъ съ перемѣной владѣтеля въ Цербстѣ. А, кромѣ того, у Юанны-Елизаветы послѣ недавней поѣздки въ Гамбургъ еще обострился интересъ и къ своимъ семейнымъ гольштинскимъ дѣламъ.

Вступленіе на престолъ Елизаветы не только оживило, но перевернуло всю Гольштинію.

Петръ - Ульрихъ былъ объявленъ наслѣдникомъ русской императрицы, но, вслѣдъ за его отъѣздомъ изъ Киля, умерла его тетка, шведская королева. Онъ былъ ея наслѣдникомъ, и къ нему въ Петербургъ послали посольство съ предложеніемъ занять шведскій престолъ. Но посольство опоздало: Петръ-Ульрихъ уже принялъ православіе. Отъ шведской короны ему пришлось отказаться. Теперь королемъ шведскимъ, при поддержкѣ Россіи, могъ сдѣлаться болѣе дальній родственникъ покойной королевы—старшій братъ Юанны-Елизаветы, тотъ самый, который былъ опекуномъ Петра-Ульриха.

Отъ всѣхъ этихъ плановъ и возможностей просто кружилась голова. Юанна - Елизавета почти цѣлые дни проводила за письменнымъ столомъ. Письма такъ и летали. А въ отвѣтахъ, которые она получала, все сводилось къ одному: все будетъ такъ, какъ пожелаетъ императрица. Имя Елизаветы повторялось безпрестанно.

И вдругъ новый неожиданный знакъ вниманія съ ея сто-

роны: она прислала Иоганнѣ - Елизаветѣ свой портретъ, весь украшенный брилліантами.

Иоганна - Елизавета прошла въ дѣтскую съ этимъ драгоценнымъ подаркомъ. Тамъ какъ разъ была и Фикке. Она пришла посмотрѣть на сестрицу, которую только что распеленали и положили побарахтаться на подушку. Иоганна - Елизавета поворачивала во все стороны сверкающій портретъ надъ самымъ личикомъ дѣвочки, но привлечь къ нему вниманіе водянисто-голубыхъ глазъ ей такъ и не удалось; она передала портретъ старшей дочери.

— Оцѣненъ въ двадцать пять тысячъ,—сказала она.

Фикке этого не разслыхала, такъ она была взволнована. Она взяла портретъ обѣими руками и, наклонившись, стала всматриваться.

Ея царевна! Вотъ какая она!

Но лицо ей представлялось неяснымъ. Брилліанты слѣпили глаза. И волновалась она слишкомъ.

Ей захотѣлось разсмотрѣть портретъ на свободѣ. Унести куда - нибудь въ укромный уголокъ и смотрѣть долго-долго, и такъ, чтобы никто не мѣшалъ...

— Можно мнѣ показать Бабетъ?—спросила она мать.

— Ахъ, да, Бабетъ! Вотъ хорошо, что ты мнѣ напомнила. Сегодня докторъ предупредилъ, что у нея не простая лихорадка, какъ мы думали, а что-то посерьезнѣе. На всякій случай онъ нашель нужнымъ даже отдѣлить ее отъ тебя. Ее только что перевели въ запасную комнату нижняго этажа. И ты не ходи къ ней: у нея можетъ быть что-нибудь заразное.

— Не ходи—и кончено!

Фикке выслушала это молча. Въ первую минуту какъ будто собралась что-то сказать, но сейчасъ же передумала. Промолчала.

Юганна-Елизавета съ портретомъ, усыпаннымъ бриллиантами, прошла къ себѣ. Фикке сказала, что идетъ въ садъ и очутилась у Бабетъ.

Пришла она очень кстати. Горничная, которой поручили ухотъ за больной, не явилась во время дать ей лекарство.

Фикке, пока хворала Бабетъ, ежедневно по нѣскольку разъ въ день забѣгала навѣстить ее.

— Милая моя Бабетъ, давайте я вамъ поправлю подушки. Вотъ такъ. Вамъ будетъ удобнѣе. А вотъ цвѣты: левкои, ваши любимые.

Фикке хлопотала около больной, а сама все время прислушивалась, не идетъ ли кто-нибудь по коридору.

Ей надо было во время успѣть улизнуть изъ комнаты. Нужна была вся ея ловкость и изворотливость, чтобы не попасться. Мать рѣдко ходила въ нижній этажъ, но Кайнъ носилась повсюду, и избѣгать ея зоркихъ глазъ было очень трудно. Разъ какъ-то Фикке чуть не наскочила на нее съ чайникомъ горячей воды. Кардель захотѣлось чаю. Горничной не оказалось подъ рукою, и она сама бѣгала за водой.

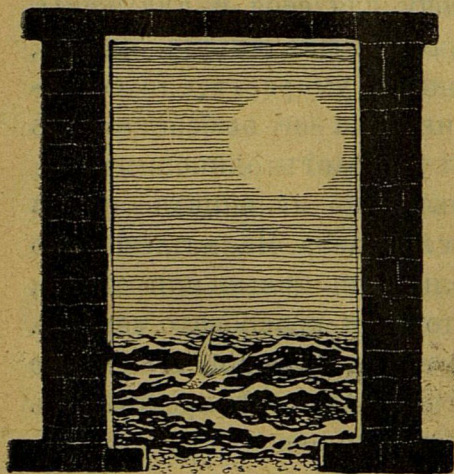
Бабетъ уже почти поправилась, когда до Юганны-Елизаветы, наконецъ, дошло, что Фикке за все время болѣзни ежедневно навѣщала ее.

— Вы уже взрослая, а обманываете, какъ маленькая!— въ раздраженіи закричала мать на Фикке.— Вѣдь, я приказала вамъ не ходить къ больной.

— Я не обманула васъ, потому что не обѣщала вамъ не ходить къ Бабетъ, — отвѣтила ей спокойно и съ сознаниемъ своей правоты Фикке.— Бабетъ никогда бы меня не бросила, если бы я расхворалась, и я тоже не могла ее оставить больную.

Раздраженіе Юанны - Елизаветы на этотъ разъ прошло очень скоро. Не стоило начинать исторіи, когда все обошлось благополучно. А, кромѣ того, съ помощью той же Бабетъ, надо было приниматься за большія хлопоты, вызванныя переменной всей жизни семьи въ Дорнбургѣ. На семейномъ совѣтѣ было рѣшено, что Христіанъ-Августъ, въ виду того, что у него есть наслѣдникъ, дѣлается владѣтельнымъ принцемъ вмѣстѣ со своимъ, хотя и старшимъ, но неженатымъ братомъ. Христіанъ-Августъ отказался отъ мѣста коменданта въ Штеттинѣ, и вся семья переѣхала въ Цербстъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Лебедь.

О недвижной, прозрачной водѣ пруда плаваешь большая, величественная бѣлая птица. Она то вытягиваетъ тонкую длинную шею, то красиво изгибаетъ ее и наклоняетъ голову къ водѣ, точно любуется своимъ отраженіемъ. Птица эта—лебедь, одна изъ самыхъ прекрасныхъ птицъ на землѣ.

Лебеди живутъ больше на прѣсныхъ водахъ: на прудахъ, озерахъ и рѣкахъ. Въ морѣ держатся только временами. Больше всего любятъ воду, меньше всего — землю. На берегъ выходятъ рѣдко: ходитъ почти совсѣмъ не умѣютъ. А летаютъ хорошо. Имъ трудно только бываетъ подняться, а разъ под-

нялись — летять быстро и долго, разсѣкая воздухъ своими большими бѣлоснѣжными крыльями.

Питаются лебеди главнымъ образомъ водяными растеніями, но ѣдятъ также насѣкомыхъ, червей и мелкихъ рыбъ. Гнѣзда свои устраиваютъ по берегамъ рѣкъ, прудовъ и озеръ, но больше всего любятъ устраивать ихъ на маленькихъ островкахъ подалеже отъ людскихъ глазъ, иногда просто на кучѣ камыша или еще чего-нибудь въ этомъ родѣ. Когда выбрано удобное и безопасное мѣсто для гнѣзда, самецъ-лебедь начинаетъ таскать матеріаль для него, а самка — строить, выстилаетъ внутри перьями и пухомъ. Выстроить гнѣздо, снести въ него большія желтовато или зеленовато-бѣлыя яйца и садится ихъ высиживать. А самецъ караулитъ ее все время, далеко не отплываетъ, достаетъ пищу для себя и для жены. Любятъ другъ друга лебеди ужасно. Всю жизнь живутъ вмѣстѣ, никогда не расстаются. А когда одинъ умираетъ, то оставшійся долго и глубоко горюетъ и никогда не выберетъ себѣ другую подругу или друга. Такъ и умираетъ одинокимъ.

Шесть или семь недѣль сидитъ самка на яйцахъ, послѣ этого срока начинаютъ вылупляться лебедята. Малютки далеко не такъ красивы, какъ ихъ родители. Они бѣлые или сѣрые, шеи у нихъ короткія, ноги сѣровато или красновато-черныя. Но всетаки они очень милы, какъ всѣ дѣтеныши, и большіе лебеди очень ихъ любятъ. Вообще трудно себѣ представить болѣе счастливое семейство, чѣмъ лебединое.

За то съ другими птицами лебеди уживаются очень плохо. Они всю любовь свою, глубокую и прекрасную, отдаютъ своей семьѣ.

Для другихъ — у [нихъ любви не хватаетъ. Существа различной и даже одной съ ними породы имъ совсѣмъ не нужны, только мѣшаютъ имъ наслаждаться мирной жизнью

въ тихомъ уединеніи. Лебеди, при встрѣчѣ съ другими птицами, становятся задорны и, при случаѣ, не прочь вступить въ драку.

Люди и орлы — главные враги лебедей. Другихъ враговъ у нихъ немного: отъ хищныхъ звѣрей ихъ спасаетъ жизнь на водѣ, а отъ мелкихъ хищныхъ птицъ — крѣпкій клювъ и крылья.

Существуетъ нѣсколько породъ лебедей. Больше другихъ людямъ извѣстенъ лебедь-шипунъ. Эту породу разводятъ для украшенія прудовъ. Лебедь-шипунъ красивѣе другихъ: опереніе его чисто бѣлое, клювъ — желтокрасный съ чернымъ бугоркомъ у основанія. Ноги — черныя. Онъ привыкаетъ къ людямъ, и, красиво изогнувъ въ видѣ буквы S свою длинную шею, подплываетъ къ берегу, когда ему бросаютъ въ воду кусочки хлѣба, но никакой привязанности къ человѣку не выказываетъ. Если на пруду есть заросшіе островки или берега его покрыты кустарникомъ, гдѣ можно уютно свить гнѣздо, лебеди-шипуны кладутъ яйца и выводятъ дѣтенышей, если же островковъ нѣтъ и на берегахъ только трава и большія деревья, — они выводить птенцовъ не станутъ. Они не любятъ жить все время на виду у людей: въ нихъ та же, любящая одиночество и свободу, таинственная душа, какъ и у ихъ дикихъ братьевъ, лебедей-кликуновъ.

Лебедь-кликунъ не сгибаетъ гордую шею, не склоняетъ царственную голову. Горе и радость свою выражаетъ онъ не шипѣньемъ, похожимъ на гусиное, какъ лебедь-шипунъ, а громкимъ и очень звучнымъ кликомъ.

Бываютъ еще лебеди: малый, черношейный и черный. Малый отличается отъ другихъ сравнительно малымъ ростомъ. У черношейнаго все опереніе бѣлое, но голова и шея черныя, только надъ глазами бѣлая полоска. У чернаго — только ма-

ховыя перья, да и то не всѣ, бѣлыя, а остальное все черное. Лебеди-шипуны, кликуны и малые водятся въ Европѣ и Азіи. Довольно много ихъ въ Россіи: по средней и нижней Волгѣ, по нѣкоторымъ сибирскимъ рѣкамъ, на Бѣломъ, Черномъ и Каспійскомъ моряхъ.

Черношейный лебедь живетъ въ Южной Америкѣ, а черный — въ Австраліи.

Самый опасный врагъ дикаго лебедя — человѣкъ. Ему нужны перья, а главное нѣжный пухъ прекрасной бѣлой птицы. И вотъ люди подкарауливаютъ лебедей, особенно во время ихъ весенняго прилета или осенняго отлета на утренней или вечерней зарѣ. Весною, во время линянія, лебеди не могутъ летать, и тогда на нихъ всего удобнѣе охотиться, гоняясь за ними по морю на лодкахъ.

Птица, наконецъ, выбивается изъ силъ, тогда ее оглушаютъ ударомъ весла, втаскиваютъ въ лодку, зарѣзываютъ и сдираютъ съ нея нѣжную шкурку, выворачивая, чтобы не запачкать кровью бѣлоснѣжнаго цвѣта.

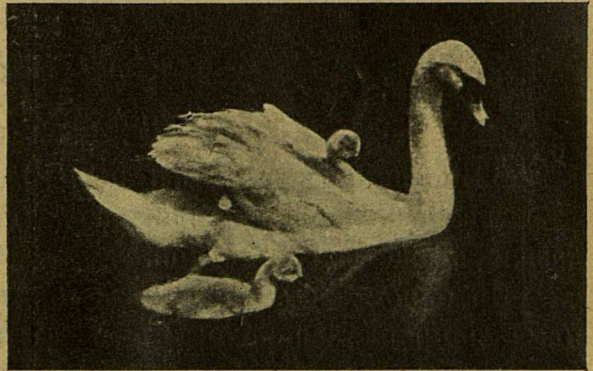
Когда лебедь-мать плывеетъ съ лебедятами и врагъ застигаетъ ее въ быстринѣ, гдѣ птенцы еще не могутъ хорошо плавать, она сажаетъ ихъ къ себѣ на спину и старается достигнуть безопаснаго мѣста.

Хорошо, если врагомъ является орелъ или какая-нибудь другая хищная птица: отъ нихъ можно спастись, быстро плывя и держа голову надъ водою. Это лебеди отлично умѣютъ дѣлать. Но отъ человѣка и этимъ путемъ спастись трудно: онъ и въ водѣ отыщетъ. Но, во всякомъ случаѣ, лебедь не покинетъ своихъ дѣтей въ опасности, будетъ бороться за нихъ до послѣдней капли крови и умретъ, прикрывая ихъ своими крыльями.

Хоть и богатая добыча — лебяжій пухъ, но лебеди своей

бѣлоснѣжной красотой, таинственной жизнью и исключительной любовью другъ къ другу производятъ такое впечатлѣніе на людей, что у насъ на сѣверѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ крестьяне ихъ не трогаютъ: считаютъ грѣхомъ убить лебедя.

Вообще лебеди всегда поражали воображеніе человѣка. У многихъ народовъ издавна сложились легенды, сказки и пѣсни про лебедей. На все прекрасное въ жизни сказка всегда набрасываетъ свое волшебное покрывало. Набросила она его и на лебедя, и сталъ онъ сказочкой птицей. Въ русскихъ старинныхъ былинахъ появляется жена богатыря Потока, Лебедь Бѣлая, и бѣлые лебеди, превращающіеся въ прекрасныхъ дѣвушекъ.

Лебедь съ лебедятами.

Изъ этихъ былинъ Пушкинъ и взялъ Царевну-лебедь для своей сказки „Царь-Салтанъ“.

Изъ народныхъ же сказаній заимствовалъ Андерсенъ свою сказку о двѣнадцати братьяхъ, превращенныхъ злою мачихой въ бѣлыхъ лебедей.

Но всего красивѣе и трогательнѣе повѣрье о волшебной пѣснѣ, которую, молчавшій всю жизнь, лебедь поетъ передъ смертью. Повѣрье это, вѣроятно, основано на томъ, что лебеди-шипуны, наиболѣе извѣстные людямъ, не имѣютъ голоса. Привыкнувъ къ ихъ молчанію и услыжавъ въ первый разъ звучный крикъ лебедя-кликуна, человѣкъ былъ пораженъ и, глядя на убитую имъ прекрасную птицу, невольно подумалъ:

„Это она получила даръ голоса въ послѣднюю минуту жизни, это была ея предсмертная пѣсня“. И, когда человѣкъ создаетъ что-нибудь прекрасное передъ смертью, уходя изъ этого міра, завѣщаетъ ему всю красоту, на которую только способенъ, — говорятъ:

— Это его лебединая пѣсня.

Н. С.

Пастушка.

(Продолженіе).

СНѢ шелкнулъ бичемъ, и скоро мы выѣхали изъ лѣса. Дождь все еще шелъ, тонкій, какъ туманъ, и вспаханная земля казалась еще болѣе черной.

По одному изъ участковъ, примыкавшихъ къ дорогѣ, къ намъ направлялся человѣкъ и дѣлалъ намъ знаки, широко размахивая рукою.

Въ первую минуту я подумала, что онъ грозитъ, но, когда онъ приблизился, я увидала, что онъ держалъ что-то въ лѣвой рукѣ, а правой дѣлалъ движеніе на уровнѣ своей головы, какъ будто косилъ. Мнѣ было такъ любопытно, что я вопросительно посмотрѣла на хозяина Сильвэна.

Въ ту же минуту онъ произнесъ, какъ бы отвѣчая мнѣ:
— Это Габорэ засѣваетъ свою полосу.

Черезъ нѣсколько секундъ мы пріѣхали на ферму.

Фермерша ожидала насъ, стоя на порогѣ. Замѣтивъ меня, она открыла ротъ, какъ будто долго задерживала дыханіе, и ея серьезное лицо утратило на минуту свое безпокойное выраженіе. Я прошла мимо нея, чтобы взять свой плащъ, и прямо отправилась въ овчарню. Ягнята выбѣжали, толкаясь. Имъ уже давно слѣдовало быть въ полѣ.

V.

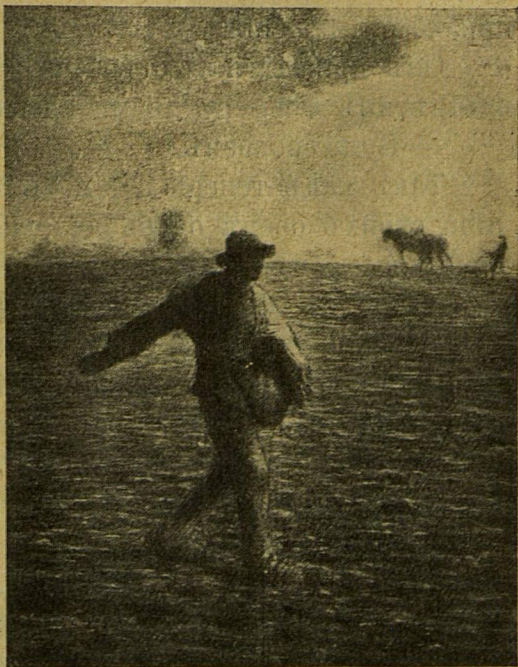
Весь день думала я о томъ, что мнѣ сказалъ фермеръ. Я не понимала, почему настоятельница не хочетъ, чтобы я видалась съ сестрой Маріей, но я понимала, что сестра Марія ничего не можетъ для меня сдѣлать и утѣшала себя мыслью, что настанетъ день, когда никто не сможетъ помѣшать мнѣ соединиться съ нею.

Когда пришло время ложиться спать, фермерша пошла со мною, чтобы положить лишнее одѣяло на мою постель и, пожелавъ мнѣ покойной ночи, запретила называть ее сударыней. Она хотѣла, чтобы я просто называла ее Полиной. Потомъ она ушла, прибавивъ, что я у нихъ въ семьѣ свой человекъ, и она сдѣлаетъ все возможное, чтобы я совсѣмъ привыкла къ фермѣ.

На другой день хозяинъ Сильвэнъ посадилъ меня за столъ рядомъ со своимъ братомъ.

Онъ сказалъ ему, смѣясь, что надо не давать мнѣ поститься, такъ какъ мнѣ очень не мѣшало еще вырости.

Брата фермера звали Евгениемъ. Онъ говорилъ очень мало,

Святель. Картина Милла.

но всегда смотрѣлъ на тѣхъ, которые говорили, и въ его маленькихъ глазахъ часто появлялось насмѣшливое выраженіе. Ему было тридцать лѣтъ, но на видъ казалось не болѣе, чѣмъ за двадцать. Онъ не лѣзъ за словомъ въ карманъ, когда ему задавали вопросъ, и я не чувствовала, сидя рядомъ съ нимъ, никакого смущенія.

Онъ прижался къ стѣнѣ, чтобы оставить мнѣ больше мѣста и отвѣтилъ фермеру двумя словами:

— Будь спокоенъ.

Такъ какъ теперь все поля были вспаханы, Мартина уводила своихъ овецъ очень далеко, на пастбища, которыя она называла „общественными“. Скотникъ и я гнали наше стадо въ луга и въ лѣса, гдѣ росъ верескъ.

Я очень страдала отъ холода, несмотря на длинный шерстяной плащъ, покрывавшій меня съ головы до ногъ. Скотникъ часто разводилъ огонь. Онъ угощалъ меня картошкой и каштанами, которые пекъ на угольяхъ. Онъ училъ меня распознавать, съ какой стороны шель вѣтеръ, чтобы умѣть пользоваться малѣйшей защитой отъ холода, и, пока мы грѣлись, онъ пѣлъ мнѣ пѣсню про „Воду и Вино“.

Въ пѣснѣ этой было, по крайней мѣрѣ, двадцать куплетовъ. Вода и Вино взаимно обвиняли другъ друга въ томъ, что составляютъ несчастье человѣческаго рода, а самихъ себя восхваляли. Я находила, что права Вода, но скотникъ говорилъ, что и Вино не вполнѣ не право. Такъ проводили мы вмѣстѣ долгіе часы.

Онъ рассказывалъ мнѣ про свой родной край, который находился очень далеко оттуда. Рассказалъ, что всегда былъ скотникомъ, и что одинъ разъ быкъ его сшибъ и ранилъ, когда онъ былъ еще ребенкомъ. Онъ долго послѣ того хворалъ, и у него дѣлались такія боли, что онъ кричалъ. По-

томъ боли прекратились, но онъ такъ и остался скрюченнымъ. Онъ помнилъ названія всѣхъ фермъ, гдѣ служилъ. Хозяева попадались и злые и добрые, но такихъ добрыхъ, какъ въ Виллевьели—нигдѣ не было. Онъ находилъ также, что коровы хозяина Сильвэна были не похожи на коровъ въ его сторонѣ. Тѣ были маленькія, съ рогами острыми, какъ веретено. А здѣшнія коровы—большія, сильныя съ шероховатыми, толстыми рогами. Онъ ихъ любилъ и разговаривилъ съ ними, называя по имени. Любимицей его была красивая, бѣлая корова, которую хозяинъ Сильвэнъ купилъ весною. Она каждую минуту поднимала голову, смотрѣла вдаль и вдругъ пускалась бѣжать, вытянувъ морду.

Скотникъ кричалъ во все горло:

— Стой, Бѣлуха, стой!

Чаще всего она останавливалась сама, но бывали случаи, когда приходилось посылать за нею собаку. Случалось также, что она начинала бороться съ собакой, желая пройти во что бы то ни стало, и возвращалась въ стадо только послѣ того, какъ собака куснетъ ее въ морду.

Скотникъ жалѣлъ ее и говорилъ:

— Кто ее знаетъ, о чемъ она тоскуетъ.

VI.

Съ декабря коровы не выходили изъ коровника. Я думала, что также будетъ и съ баранами, козами и овцами. Но братъ фермера объяснилъ мнѣ, что край ихъ очень бѣдный и что фермеры не могли собирать корма въ такомъ количествѣ, чтобы его хватало на весь скотъ.

Теперь я отправлялась одна по лугамъ и въ лѣса. Всѣ птицы улетѣли. Туманы разстилались надъ пашнями, и глу-

бокое молчаніе наполняло лѣса. Бывали дни, когда я чувствовала себя такой одинокой и покинутой, что мнѣ представлялось, что вся земля вокругъ меня разрушилась, и когда въ сѣромъ небѣ съ крикомъ пролеталъ воронъ, его громкій, охрипшій голосъ, казалось, возвѣщалъ мнѣ міровыя бѣдствія. Даже овцы не прыгали больше. Купецъ увелъ всѣхъ барановъ, а овцы не умѣли играть однѣ. Онѣ двигались, плотно прижимаясь одна къ другой, и даже, когда не ѣли, держали головы опущенными къ землѣ.

Иныя напоминали мнѣ моихъ знакомыхъ дѣвочекъ. Я ласкала ихъ, заставляя поднимать голову, но глаза ихъ продолжали смотрѣть внизъ, и неподвижные зрачки были похожи на тусклое стекло.

Разъ меня захватилъ такой густой туманъ, что невозможно было различить дорогу. Я вдругъ очутилась возлѣ большого незнакомаго лѣса. Верхушки деревьевъ совершенно терялись въ туманѣ, а верескъ точно былъ обмотанъ блѣдной шерстью. Бѣловатыя пары спускались съ деревьевъ и стлались по вереску длинными прозрачными волокнами.

Я подгоняла овецъ къ ближайшему лугу, но онѣ столпились въ кучу и не хотѣли двигаться. Я пошла впередъ, чтобы посмотрѣть, что мѣшало имъ итти и узнала рѣчку, протекавшую подъ холмомъ. Едва можно было разглядѣть воду. Казалось, будто она спитъ подъ одѣяломъ изъ толстой бѣлой шерсти. Я долго смотрѣла на нее. Потомъ повела овецъ вдоль лѣса.

Пока я старалась сообразить, съ какой стороны находилась ферма, овцы обогнули лѣсъ и скоро вышли на дорогу, по бокамъ которой тянулись изгороди. Туманъ еще сгустился, и мнѣ казалось, что я иду между двумя высокими стѣнами. Я слѣдовала за овцами, не зная, куда онѣ меня ведутъ. Онѣ

вдругъ свернули направо, но я ихъ тотчасъ остановила: я замѣтила входъ въ церковь. Двери стояли открытыя настежь и съ боковъ видно было по два красныхъ огонька, освѣ-

Пастушка. Картина Миллэ.

щавшихъ сѣрые своды. Огромные столбы тянулись по прямому направленію, а въ глубинѣ чуть намѣчались, слабо освѣщенные, рѣшетчатые окна.

Мнѣ было очень трудно не дать овцамъ войти въ церковь. Отталкивая ихъ, я замѣтила, что все онѣ покрыты точно мелкими бѣлыми жемчужинками. Онѣ каждую секунду встря-

хивались, производя этимъ звукъ, похожій на тонкій и хрупкій звонъ стекла. Я не могла понять, что все это значить. Потомъ меня охватило сильное безпокойство при мысли, что хозяинъ Сильвэнъ ждетъ меня съ нетерпѣніемъ. Я увѣряла себя, что, повернувъ назадъ, легко разыщу ферму и, стараясь двигаться безшумно, начала подталкивать овецъ по направленію къ дорогѣ, по которой мы пришли. Едва я на нее ступила, какъ возлѣ меня раздался мужской голосъ:

— Дай же ты имъ итти домой, бѣднымъ скотинкамъ!

При этомъ говорившій повернулъ стадо по направленію къ церкви. Я тотчасъ же узнала Евгенія, брата фермера. Онъ тронулъ рукой спину одной изъ овецъ, прибавивъ:

— Онѣ стали очень хорошенькими съ этимъ бисеромъ инея, но это имъ не полезно.

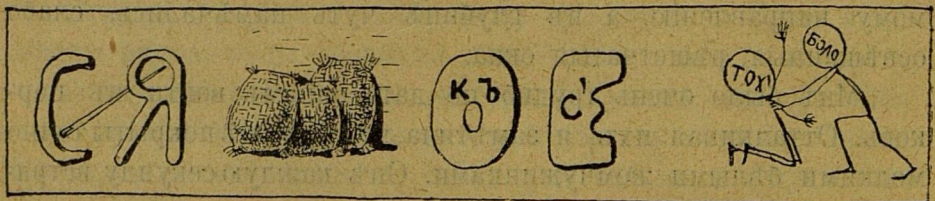
Я не удивилась нашей встрѣчѣ. Я указала ему на церковь, спрашивая, что это такое.

— А это я сдѣлалъ для тебя, — отвѣчалъ онъ. — Я боялся, что ты не найдешь каштановую аллею и повѣсилъ съ каждой стороны по фонарю.

Въ головѣ у меня все спуталось, и только черезъ минуту я поняла, что толстые столбы, почернѣвшіе и обветшалые отъ времени, были просто на просто стволы каштановъ. Тутъ же узнала я и окна нашей большой комнаты съ маленькими квадратными стеклами, освѣщенными огнемъ очага.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Ребусъ № 5.

Одобрено для ученических библиотек младшаго возраста средних учебных заведений и для ученических библиотек низших учебных заведений и дѣтских пріютов *Вѣдомства Императрицы Маріи*.

Соловьева П. С. „Елка“. Стихи для дѣтей. Съ рисунками. Изданіе 3-е. Цѣна въ обложкѣ 35 к., въ папкѣ 65 к.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущено въ ученическія библиотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

Одобрено для ученических библиотек младшаго возраста средних учебных заведений и для ученических библиотек низших учебных заведений и дѣтских пріютов *Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи*.

Соловьева П. С. „Семилѣтна“. Народныя сказки. Съ рисунками. Изданіе 2-ое. Цѣна въ обложкѣ 50 к., въ папкѣ 80 к. Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущено въ ученическія библиотеки низшихъ училищъ.

Одобрено для ученических библиотек младшаго возраста средних учебных заведений и для ученических библиотек низших учебных заведений и дѣтских пріютов *Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи*.

Допущено въ ротныя библиотеки кадетскихъ корпусовъ для I и II классовъ.

Соловьева П. С. „Свадьба Солнца и Весны“. Пьеса въ стихахъ. Съ рисунками. Цѣна 20 коп.

Одобрено для ученических библиотек младшаго возраста средних учебных заведений и для ученических библиотек низших учебных заведений и дѣтских пріютов *Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи*.

Допущено въ ротныя библиотеки кадетскихъ корпусовъ для I и II классовъ.

Соловьева П. С. „Разгадай-на!“ Сборникъ ребусовъ, шарадъ и загадокъ. Цѣна 25 к.

Соловьева П. С. „Березины именины“. Пьеса въ стихахъ. Съ рисунками. Цѣна 25 к.

Соловьева П. С. „Чудесная ночь“. Пьеса въ стихахъ. Цѣна 20 коп.

Соловьева П. С. „Первое апрѣля“. Комедія въ одномъ дѣйствіи. Цѣна 10 к.

Соловьева П. С. „Няня“. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Цѣна 15 к.

Шалиръ Н. Л. „Люди и звѣри“. Съ рисунками. Цѣна 25 коп.

Францъ Анатоль. „Пчелка“. Сказка. Съ рисунками. Изданіе 3-ье. Цѣна 25 к.

Одобрено для ученических библиотек младшаго возраста средних учебных заведений и для ученических библиотек низших учебных заведений и дѣтских пріютов *Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи*.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущено въ ученическія библиотеки низшихъ учебныхъ заведеній

Новыя изданія „Тропинки“.

Егоровъ Л. Н. „Исторія воздухоплаванія“. Съ рисунками. Цѣна 25 к.

Манасеина Н. И. „Овсянки“. Пять рассказовъ для дѣтей. Съ рисунками. Цѣна въ обложкѣ 50 к., въ папкѣ 80 к.

Соловьева П. С. „Жизнь Хитролыса“. (Изъ старо-французскаго эпоса). Въ стихахъ. Съ 170-ю рисунками Рабѣе. Цѣна въ обложкѣ 1 р. 70 к., въ папкѣ 2 р.

Соловьева П. С. „Царевна Земляничка“. Пьеса въ стихахъ. Съ рисунками. Цѣна 30 к.

Соловьева П. С. „Новый годъ“. Пьеса въ стихахъ. Съ рисунками. Цѣна 20 к.

Шведеръ Е. І. „Пушкинскіе уголки“. Съ рисунками. Цѣна 20 коп.

Книгоиздательство беретъ на себя почтовые расходы только въ томъ случаѣ, если книгъ выписывается не менѣе, чѣмъ на 1 рубль.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА А на 1911 г.

на иллюстрированный дѣтскій журналъ

6-й годъ
изданія.

ТРОПИНКА

24 нв.
въ годъ.

Журналъ выходитъ 1 и 15 каждого мѣсяца въ 2—3 печатныхъ листа и предназначается для дѣтей средняго возраста.

Въ журналѣ будутъ помѣщаться повѣсти, рассказы, путешествія, биографіи, историческія статьи, стихи, театральныя пьесы, научныя статьи, вѣсти отовсюду, юмористическіе рассказы и стихи, смѣшныя картинки, ребусы, шарady и загадки.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ **3 руб.**
съ пересылкой и доставкой

Въ редакціи имѣются въ небольшомъ количествѣ комплекты 1908 и 1910 гг. Комплекты 1906, 1907 и 1909 гг. все разошлись.

Подписка принимается въ конторѣ журнала и во всехъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Въ Кіевѣ—въ Педагогическомъ книжномъ магазинѣ Пенкина, Владимірская, 53, противъ городск. театра. Тамъ же складъ изданій журнала „Тропинка“.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ И КОНТОРЫ: С.-Петербургъ, Вознесенскій пр., № 38, кв. 26.

Телефонъ 497—55.

Редакторы-Издатели *Л. Соловьева и Ж. Манаскина.*

ОТЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦІИ.

Просимъ прочесть непременно.

Заявленія о неполученіи номера адресуются непосредственно въ редакцію и не позже полученія слѣдующаго №.

Несвоевременныя требованія пропавшихъ №№ редакція удовлетворять не можетъ.

Заявленія о перемѣнѣ адреса посылаются непосредственно въ редакцію при чемъ необходимо указать и старый адресъ. При перемѣнѣ петербургскаго адреса на петербургскій или иногороднаго на иногородній уплачивается 20 коп., а при перемѣнѣ петербургскаго на иногородній или иногороднаго на петербургскій уплачивается 40 коп. До полученія денегъ, контора продолжаетъ высылать журналъ по старому адресу.

Редакція открыта для личныхъ переговоровъ по средамъ отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ.

